

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

О ПРИРОДЕ БОГОВ

MARCI TULLII CICERONIS

DE NATURA DEORUM

Перевод и комментарии *Т. А. Лапиной*

Под редакцией *В. И. Кузицина*

(XLV) Все это удивительно, но удивительнее всего устойчивость мира и его постоянная внутренняя связь, так что мы не можем представить себе ничего прочнее его. Все части мира со всех сторон стремятся с одинаковой силой к центру. Тела накрепко соединены между собой, словно скованные некоей опоясывающей их цепью. Это делает природа, которая пронизывает вселенную и устраивает все в соответствии с разумом и рассудком; все внешние части она обращает и поворачивает к центру. (116) Мир шарообразен и все части его по этой причине повсюду однородны и замыкаются в себе. Это же нужно сказать и о земле: во всех частях ее, обращенных к центру (т. е. к внутреннему центру сферы) нет ничего, что могло бы нарушить или поколебать ее тяжесть и вес. По этой же причине и море, хотя оно расположено на поверхности земли, но устремляется к земному центру. Оно равномерно сгущается, никогда не разливаясь и не высыхая. (117) Соприкасающийся с морем воздух устремляется вверх благодаря своей легкости и распространяется во всех направлениях. Он соединен и связан с морем, а природа возносит его в небо. Там он смягчается благодаря небесной разреженности и теплу и затем дает живительное и благотворное дыхание живым существам. Верхняя часть неба, которая называется эфирной, охватывает его и, удерживая свой жар, чистый и не отягощенный никакой примесью, соединяется с крайней областью воздуха. (XLVI) В эфире вращаются звезды; они сгустились в шар собственными силами и бла-

годаря своей форме и очертаниям поддерживают свое движение. Они ведь круглы, а эта форма, как я кажется уже говорил, менее всего подвержена повреждению¹⁰². (118) Звезды по своей природе огненные; поэтому они питаются испарениями земли, моря и вод, поднимающимися с согретых солнцем полей и вод¹⁰³. Звезды и весь эфир, накормленные и воскрешенные этими испарениями, изливают их опять и вновь берут, так что почти ничего не гибнет; и звездный огонь, и эфирное пламя пожирают очень немногое. Поэтому-то, по мнению стоиков, и произойдет событие, по поводу которого, как говорят, Панетий был в сомнении: весь мир в конце концов должен стореть¹⁰⁴. Ведь когда вся влага будет выпита, земля не сможет уже питаться, а воздух не будет обращаться: он уже не сможет возникнуть, так как вся вода высохнет. Значит не останется ничего, кроме огня, а он — живое существо и бог — вновь воскресит мир и создаст ту же красоту.

(119) Я не хочу показаться вам навязчивым в рассуждении о звездах, особенно же о тех, которые, как говорят, блуждают. Я добавлю одно: при неравномерном движении их взаимная гармония так велика, что в то время как самая высокая Сатурнова звезда навевает холод, средняя Марсова сжигает, а лежащая между ними Юпитерова освещает и умеряет. Две звезды ниже Марса подчинены солнцу; само же солнце озаряет мир своим светом, а озаряемая им Луна посылает беременность, плод и своевременные роды. Таково сцепление вещей, таков союз, как бы заключенный ради целостности мира. Если найдется человек, которого это не трогает, я уверен — он просто никогда не задумывается об этом.

(XLVII, 120) Но давайте от небесного перейдем к земному. Здесь повсюду проявился разум мыслящей природы. Сначала о растениях, чьи корни уходят в землю и придают устойчивость стволу, который поддерживают. Корни высасывают из земли соки; ими питаются поддерживаемые корнями стволы. Стволы покрыты лыком и корой, это защищает растение от холода и жары. Действительно, виноград охватывает подпорку усиками, словно руками, и подымается вверх, будто живое существо. А если рядом с виноградом посадить капусту, он, говорят, даже бежит от нее и не прикасается к ней, словно к зачумленной и вредоносной. (121) А как разнообразны животные! Что за могущественная сила заставляет их сохранить свой собственный вид! Одни из них покрыты только кожей, другие одеты шерстью, третьи — щетинятся иглами. У одних мы видим перья, у других — чешую; одни вооружены рогами, другим даны, чтобы улететь, крылья. Природа щедро и в изобилии приготовила животным пищу, каждому свою. Я мог бы перечислить, что в строении тела животного приспособлено для ловли и добычи пищи, и рассказать, как искусно и красиво расположены части тела, как изумительно строение членов. Ведь все внутренние органы созданы и расположены столь совершенно, что нет ничего лишнего, ничего, что не было бы необходимым для поддержания жизни.

(122) Природа наделила зверей чувствами и стремлениями. Стремления помогают им добыть естественную для них пищу; чувства же помогают им различать полезное и вредное. В самом деле, одни животные приближаются к еде шагом, другие ползком, третьи летают, четвертые плавают. Одни, раскрывая пасть, хватают пищу зубами, другие — цепкими когтями, третьи кривым клювом; одни сосут ее, другие щиплют, третьи пожирают, четвертые жуют. Одни так малы, что без труда хватают с земли пищу клювом; тем же, кто выше ростом, как гуси, лебеди, журавли и верблюды, помогает их длинная шея. А слону дана даже рука, ведь его огромное тело затрудняет ему доступ к пище.

(XLVIII, 123) Тем же зверям, которые питаются животными другого вида, природа дала силу или быстроту. Некоторые наделены даже своего

¹⁰² См. II, 18, 47.

¹⁰³ Ср. 15, 40; 33, 58.

¹⁰⁴ О гибели мира ср. *Diog. Laert.*, VII, 141.

рода хитростью и искусством. У паучков одни ткнут как бы некую сеть, чтобы съесть тех, кто к ней прилипает; другие же незаметно наблюдают и, когда кто-нибудь попадается, хватают его и пожирают. Пина¹⁰⁵ же (так называют ее греки), состоящая из двух больших раковин, заключила словно бы союз для добывания пищи с маленьким крабом. Когда маленькие рыбешки заплывают в раскрытую раковину, пина, предупрежденная крабом, захлопывает раковины. Так самые непохожие зверюшки добывают пищу совместно. (124) При этом следует спросить себя — объединились ли они, каким-то образом общаясь между собой, или от самого рождения соединены природой. Изумление вызывают также водяные животные, которые рождаются на земле, как, например, крокодилы, речные черепахи и некоторые змеи. Появившись на свет на суше, они, как только смогут двигаться, ползут к воде. Мы часто подкладываем курице утиные яйца. Родившиеся из них птенцы сперва питаются тем же, что и высидевшая и взлелеявшая их мать. Затем оставляют ее и бегут вперед, пока не увидят воду, словно свое естественное обиталище. Такое стремление к самосохранению дала природа животным. (XLIX) Я даже читал в одном сочинении, что есть какая-то птица, называется она пеликан. В поисках пищи она подлетает к птицам, которые ныряют в море. Когда же они вынырнут, держа рыбу, она, вцепившись клювом в их голову, сжимает ее до тех пор, пока они не отпустят схваченную добычу, на которую и набрасывается сам пеликан¹⁰⁶. Пишут, что эта же птица имеет обыкновение наедаться моллюсками, а переварив их желудочным теплом, выплевывает и так очищает наполненный пищей желудок. (125) Лягва, как говорят, обычно зарывается в песок и движется вблизи от воды, а когда рыбы приближаются к ней, принимая ее за пищу, лягва хватает их и пожирает. А между коршунами и воронами идет словно бы некая естественная война. Поэтому если один из них где-нибудь натолкнется на яйца другого, то разбивает их. Кто может не изумиться этому факту, замеченному, как и многое другое, Аристотелем¹⁰⁷?

Стая журавлей, когда они, направляясь в теплые страны, пересекают море, вытягивается в виде треугольника. Встречный воздух они рассекают его вершиной; затем птицы постепенно поднимаются выше, действуя с обеих сторон крыльями, словно веслами. Основание же треугольника, который, вытянувшись, образует стая, защищает от ветра, как корма. Шею и голову они кладут на спину летящего впереди, и так как сам вожак не может этого сделать, — у него ведь нет никакой опоры, — он, чтобы отдохнуть, летит назад. Место его занимает другой, один из тех, которые уже отдохнули. И такая очередность соблюдается на протяжении всего пути. (126) Я могу привести много примеров в этом роде, но вы уже видите самую суть. Еще более известно, как осторожны звери, как они поминутно оглядываются на пастбище, как прячутся в свои норы. (L) Удивительно и следующее: животные применяют средства, которые недавно, т. е. несколько веков назад, открыл гений врачей: собаки лечат желудок рвотой, а египетские ибисы очищением. У пантер, которых варвары ловят отравленным мясом, есть, говорят, какое-то противоядие, так что съев его, они не умирают. А дикие козы на Крите, пораженные ядовитыми стрелами, ищут траву, которая называется ясенец; если ее отведать, стрела выпадает из тела. (127) Лани незадолго перед родами проводят полное очищение с помощью какой-то травки, которая именуется жабрица. Мы замечаем, что каждый в минуту опасности от насилия защищается своим оружием: бык — рогами, вепрь — клыками, лев — зубами. Одни спасаются бегством, другие прячутся; каракатицы пускают черную жидкость, а скат вызывает оцепенение шокком. Многие отгоняют преследователей невыносимой, омерзительной вонью.

¹⁰⁵ Ср. *Plin.*, N. H. IX, 42, 635.

¹⁰⁶ *Arist.*, An. IX, 10; ср. *Plin.*, N. H. X, 40.

¹⁰⁷ В дошедших до нас сочинениях Аристотеля этого нет.

(LI) Да, бесконечна красота мира и велика забота божественного промысла. И благодаря ему вечно будут существовать различные виды зверей, деревьев и растений, чьи корни уходят в землю. Сила семени, которую они заключают в себе, так велика, что одно семя порождает много семян. Семя заключено во внутренней части плодов, которые растут на дереве. Этими же семенами вдоволь насыщаются люди, а земля наполняется множеством возрожденных растений этого же вида. (128) Что сказать о необыкновенном расчете, проявляемом для постоянного сохранения видов животных? Во-первых, одни из них самцы, другие самки; это придумала природа для непрерывного их воспроизводства. Затем, части тела прекрасно приспособлены и для рождения, и для зачатия. А у самца и самки необыкновенная жажда к соитию. Когда же семя попадет в свое место, оно забирает себе почти всю пищу, и так животное выкармливает семя, укрытое в его чреве. Когда же детеныш выпадает из материнской утробы, то у зверей, которые вскармливают молоком, почти вся пища матери превращается в молоко. А только что родившиеся детеныши без всякого учителя под руководством природы хватают сосцы и насыщаются их содержимым. А вот чтобы мы поняли, что ничего тут нет случайного, а все это — дело предусмотрительной и искусной природы: у кого рождается многочисленное потомство, как, например, у свиней, собак, тому дано много сосков; а мало их у тех зверей, у которых и родится мало. (129) Что сказать о необыкновенной любви, которую проявляют звери к порожденным ими детям; они ведь выращивают и оберегают их, пока те не смогут защищать себя сами. Хотя рыбы, как говорят, бросают икру, которую мечут; но ведь она легко держится на воде и из нее без труда выходят мальки. (LII) А вот черепахи и крокодилы, говорят, рожают потомство на суше, зарывают яйца в землю и удаляются: и детеныши рождаются и вырастают сами по себе. А курицы и другие птицы ищут для несения яиц тихое место, строят себе домик и гнездо, застилают его как можно мягче, чтобы лучше сберечь яйца; когда же из них вынутся цыплята, они так о них заботятся, что согревают их крыльями, чтобы им не повредил холод, а если жара, закрывают их от солнца. Когда же цыплята уже могут пользоваться крыльшками, мать летит за ними, отбросив все другие заботы. (130) Кроме того, люди с искусством и тщанием оберегают и охраняют некоторые породы животных и виды растений, поднимающихся из земли. Ведь существует много пород скота и видов деревьев, которые не могли бы существовать без человеческого попечения. В разных частях земли природа посылает людям много благ, помогающих им возделывать землю и собирать урожай. Египет орошается Нилом; он заливают истомленную жарой, измученную страну, а затем отступает, оставив утучненные, покрытые илом поля. Месопотамии же плодородной делает Евфрат, каждый год как бы заново возрождающий поля. А Инд, самая большая из всех рек, не только орошает водой и взрыхляет поля, но даже засеивает их, ведь, как говорят, он приносит с собой большое количество семян, схожих с хлебом¹⁰⁸. (131) Я могу привести много других замечательных событий, происходящих в разных странах, рассказать об областях, богатых разнообразными, только там растущими плодами. (LIII) Какова же изумительная щедрость природы, родящей так много питательных вещей, столь разнообразных, столь приятных, и все это в различные времена года, чтобы мы всегда наслаждались и новизной, и обилием! Она дает столько зрелых, столько полезных плодов и не только людям, но и скоту. Наконец, для растений, которых рождает земля, она посылает ветры Этезии, дуновение которых умеряет чрезмерный жар! Благодаря им и мор-

¹⁰⁸ Инд больше всех рек Европы и Передней Азии, но в самой Индии он уступает размерами Гангу, что было уже известно античным авторам. О семенах, будто бы приносимых Индом, нам ничего не известно из других источников. Страбон, ссылаясь на Аристубула, пишет только, что в Индии есть дикорастущее растение, похожее на хлеб (*Strabo*, IV, 1, 22).

ские плавания становятся быстрыми и надежными. (132) Многое следует обойти молчанием, но много надо сказать. Ведь невозможно и перечислить удобства, которые приносят нам реки и чередующиеся приливы и отливы в море, покрытые зеленью лесистые холмы, соляные копи, расположенные далеко от морского побережья, земли, наполненные целебными средствами, наконец, бесчисленные дары природы, необходимые для питания и жизни. Даже смена дня и ночи помогает живым существам, давая время и для деятельности, и для отдыха. Итак, можно заключить, что в нашем мире всем чудеснейшим образом управляет всеобщий божественный расчет, разум, здравый смысл, заботящийся о всеобщем благе и сохранении.

(133) Здесь кто-нибудь может спросить, для кого же создано столь замечательное устройство вещей, уж не для деревьев ли и травы? Хоть они и лишены чувств, но природа поддерживает и их. И все же такое предположение нелепо. Или, может быть, для зверей? Совсем неправдоподобно, чтобы боги столько трудились ради бессловесных и ничего не смыслящих существ. Итак, ради кого же создан мир? По-видимому, для тех живых существ, которые обладают разумом. А это — боги и люди, лучше которых, разумеется, нет ничего: ведь разум — это то, что превосходит все. Следовательно, именно ради богов и людей сотворены мир и все, что он в себе заключает. (LIV) Мы лучше поймем, как бессмертные боги заботятся о людях, если рассмотрим устройство человеческого тела и все совершенство человеческого облика. (134) Жизнь поддерживают три компонента — еда, питье и дыхание; для восприятия всего этого больше всего подходит рот, который принимает в себя дыхание, так как он соединен с ноздрями, а при помощи вставленных в рот зубов пища разжевывается и размягчается. Острые передние зубы откусывают куски пищи, внутренние же, которые называются коренными, пережевывают их. Пережевывать, по-видимому, помогает также язык. (135) Пищевод, соединенный с основанием языка, служит его продолжением; туда сначала попадает взятая в рот пища. С обеих сторон он касается миндалин, а ограничивает его внешняя и внутренняя часть неба. Пищевод, получив еду, вытолкнувшую и словно бы прогнанную усилиями и движением языка, проталкивает ее дальше. Причем те части пищевода, которые ниже проглоченного, расширяются, а те, которые выше, сжимаются. (136) У дыхательного горла (как называют его медики) вход соединен с основанием языка немного повыше, чем связан с языком пищевод. Тянется оно до самых легких и забирает воздух, попавший с вдохом, и выдыхает и выпускает его из легких. Дыхательное горло покрыто как бы некой оболочкой, которая служит для того, чтобы дыхание не задерживалось, если кто-нибудь из еды случайно повредит горло. Желудок, расположенный под пищеводом, — это вместительница еды и питья, а легкие и сердце вводят извне воздух. Много в желудке устроено удивительным образом; состоит же он почти целиком из мышц. Он многослоен, извилист и удерживает и содержит в себе ту пищу, которую принимает, суха ли она или жидка. Там пища изменяет свою природу и переваривается. Желудок соединяет всю полученную пищу в одну массу и смешивает ее, то сжимаясь, то расслабляясь. Таким образом, уже растертая пища легко переваривается и усваивается благодаря теплу, которого много в желудке, и воздуху; затем она распределяется по всему телу. (LV) Легкие же разрежены и рыхлы, наподобие губки; это очень удобно для того, чтобы вбирать в себя воздух. Легкие то сжимаются при выдохе, то расширяются при вдохе; таким образом они вводят в организм животворящее вещество, которым более всего питаются живые существа. (137) Тот сок, которым мы питаемся, отделенный от остальной еды, из желудка течет к печени по определенным прямым пищеводам, идущим от середины желудка до так называемой воротной вены. Они доходят до печени и соединяются с ней. Отсюда они тянутся в разные части тела; по ним пища спускается в печень и распадается в ней. Когда желчь и воды, выливающиеся из почек, отделяются от пищи, остаток превращается

в кровь и устремляется к воротной вене, к которой тянутся все пищеводы. Пища, скользя по ним, вливается в вену, которая называется полой; через нее к сердцу проникает уже усвоенная и переваренная пища; от сердца же она распределяется по всему телу через весьма многочисленные сосуды, которые тянутся во все части тела. (138) Таким же образом удаляются из организма остатки пищи, ведь желудок то сжимается, то расширяется. Объяснить все это совсем не трудно, но это следует пропустить, чтобы в речи не было ничего неприятного. Лучше рассмотрим невероятное искусство природы. Воздух, который попадает в легкие с вдохом, сначала нагревается самим вдохом, затем соприкосновением с легкими; часть воздуха выходит с выдохом, часть же забирает определенная часть сердца, которая называется сердечным желудочком; к нему присоединен другой такой же, в который втекает кровь из печени через полую вену. Таким образом кровь растекается из этих частей по всему телу через вены, а воздух — через артерии. И тех, и других много, они расположены часто и пронизывают все тело, свидетельствуя о какой-то невероятной силе искусственного и божественного создания. (139) Что сказать мне о костях? Они образуют прекрасно соединенный остов тела, служат для устойчивости членов и формируют их, обеспечивая все виды движения и активность тела. Прибавь сюда еще сухожилия, которыми закрепляются суставы, и сухожильные сплетения, простирающиеся через все тело; они, как и вены и артерии, беря начало от сердца, тянутся по всему телу. (LVI, 140) Можно добавить к тому, что я сказал, о столь рассчитанном, столь искусном промысле природы еще многое другое. Так мы постигаем, какие великие, какие замечательные дары дали боги людям. Во-первых, боги подняли людей с земли и поставили их вертикально, чтобы они могли глядеть на небо и познавать богов. Ибо люди на земле не жители и обитатели, но как бы зрители высшего и небесного; зрелища этого не созерцает вместе с нами ни один другой вид живых существ. А органы чувств, этих вестников и толкователей окружающих нас вещей, расположены в голове, словно на акрополе; они прекрасно приспособлены для своих функций. Ведь глаза, словно разведчики, занимают самое высокое место, где они и исполняют свои обязанности, замечая почти все. (141) И уши, так как они должны улавливать звук, который по воле природы уносится ввысь, прекрасно расположены в верхней части тела. Ноздри тоже правильно находятся вверху, так как всякий запах возносится вверх; а поскольку именно они по большей части судят о еде и питье, то не без основания они соседствуют со ртом. А вкус, который должен различать качества нашей пищи, находится во рту, который природа сделала входом в наш организм для еды и питья. Осязание же разлито по всему телу, чтобы мы могли чувствовать удары и даже самое незначительное воздействие холода и жары. Архитектор скрывает от глаз и ноздрей хозяина вещи, которые кажутся нам отвратительными, если мы их случайно заметим; как и он, природа удаляет подобные неприятные вещи от наших органов чувств. (LVII, 142) Какой другой творец, кроме природы, самой изобретательной из всех, мог бы достичь такого искусства при создании чувств? Во-первых, она прикрыла и защитила глаза тончайшей оболочкой. Сделала же она ее прозрачной, чтобы через нее можно было смотреть, затем прочной, чтобы оберегать глаза. Природа сделала глаза быстрыми и подвижными, чтобы они легко уклонялись, если что-то им мешает, и легко поворачивались к предмету, который хотя бы рассмотреть. Та часть глаза, при помощи которой мы видим, — она называется зрачком — так мала, что ей легко уклониться от опасности. Веки, этот покров глаз, на ощупь очень нежны, чтобы они не вредили зрачку. Они прекрасно могут и закрыться, если что-нибудь попадет в глаз, и открыться, причем происходит это с невероятной быстротой. (143) Веки защищены как бы частоколом из волос, которые, если глаз открыт, выталкивают попавшую соринку. Когда же очи смежает сон и мы перестаем видеть, ресницы словно закутывают глаза, чтобы их

ничто не тревожило. Кроме того, полезно, что глаза скрыты и окружены со всех сторон выступами. Во-первых, высокие выступы, покрытые бровями, задерживают пот, стекающей с головы и со лба. Затем, щеки, находясь под глазами и немного выступая, защищают их снизу. Нос расположен так, что кажется как бы находящейся между глаз стеной. (144) А наши уши открыты всегда; ведь мы нуждаемся в слухе даже во сне: когда мы слышим звук, то просыпаемся. Ухо имеет извилистый проход; ведь будь он простым и прямым, что-нибудь могло бы туда попасть. И предусмотрено даже вот что: если какое-нибудь насекомое попытается туда проникнуть, оно прилипнет к ушной сере, как к птичьему клею. Те части тела, которые называются ушными раковинами, выступают наружу. Это сделано для прикрывания и защиты органа чувства и для того, чтобы звук не ускользнул прочь и не блуждал бы, но сразу же воздействовал бы на наши чувства. Ушные отверстия тверды, словно сделаны из рога, и в них много изгибов, так что, отталкиваясь от них, звук усиливается. Поэтому и в струнных инструментах резонанс создается с помощью черепахового панциря или рога, и звуки из вогнутого и замкнутого пространства возвращаются усиленными. (145) Подобным же образом ноздри, которые всегда открыты, так как они постоянно нужны, имеют узкие отверстия, чтобы в них не могло проникнуть ничего вредного. В ноздрях всегда есть влага, которая очень нужна, чтобы удалить пыль и подобные ей вещи. Органы вкуса прекрасно защищены: ведь они заключены во рту — это удобно для употребления и сохраняет их невредимыми. Каждое чувство человека намного превосходит чувства животных. (LVIII) Во-первых, наши глаза судят более тонко в тех видах искусства, в которых суждение принадлежит им, а именно: в живописи, лепке, резьбе и даже в телодвижениях и жестикуляции. Они судят о прелести, порядке и, я бы сказал, достоинстве цвета и форм и о многом другом. Ведь глаза различают добродетель и порок, гневное и милостивое, веселое и грустное, сильное и вялое, дерзкое и робкое. (146) Какой-то изумительной художественной способностью суждения обладают и наши уши, которые различают в звуках голоса, в пении свирели и струн разнообразные оттенки, интервалы и тона, а также многочисленные виды голоса: голос звучный и глухой, мягкий и грубый, низкий и высокий, большого диапазона и однотонный. Все это различают только уши людей. Равным образом мы прекрасно судим при помощи ноздрей обо всем, что касается вкуса и обоняния. Для того, чтобы пленять и услаждать наши чувства, изобрели много искусств, даже больше, чем хотелось бы. Мы ведь видим, каких успехов достигли в смешении благоуханий, изготовления приправ к пище и украшений для тела.

(LIX, 147) В самом деле, кто не видит, что сам человеческий дух, разум, рассудок, здравый смысл, предусмотрительность созданы благодаря божественному поначению, тот, мне кажется, сам лишен этих качеств. Хотелось бы мне, чтобы на время, пока я рассуждаю об этом, мне было дано твое красноречие, Котта. Как бы ты говорил об этом! Во-первых, какая у нас пронизательность; затем, способность сочетать и сопоставлять последующее с предыдущим. Мы можем заключить при помощи разума, что из чего происходит; определяем и отчетливо понимаем каждую вещь в отдельности. Из этого ясно, какую же силу имеет знание: это такое качество, что и у бога нет ничего лучше. В самом деле, как замечательна та способность, которую вы, академики, принижаете и уничтожаете: с помощью чувств и духа воспринимать и понимать то, что вне нас! (148) Сравнивая и сопоставляя все это между собой, мы создаем искусства, служащие в жизни для пользы или для услады. А как прекрасна, как божественна царица всего — как мы обычно ее называем — сила красноречия! Во-первых, благодаря ей мы учимся тому, что не знаем, а других можем научить тому, что знаем. Затем, благодаря ей мы убеждаем, внушаем, утешаем несчастных, благодаря ей освобождаем от страха трепещущих, благодаря ей смиряем кичливых, благодаря ей умеряем страсть и ярость;

она соединила нас в общество с правом, законами, городами, она увела нас от жизни свирепой и дикой¹⁰⁹. (149) Вдумайтесь только — просто невероятно, сколько изобрела природа, чтобы мы могли пользоваться речью! Ведь, во-первых, от легких до внутренней полости рта тянется дыхательное горло, через которое идет и льется звук, рождающийся разумом. Затем во рту помещается язык, граничащий с зубами. Он формирует и упорядочивает нечленораздельный звук и, касаясь зубов и других частей рта, делает звуки голоса ясными и определенными. Поэтому наши обычно говорят, что язык подобен смычку, зубы — струнам, ноздри же — тем рогам, которые дают во время игры резонанс струнам.

(LX, 150) Природа дала людям таких помощников, столь умелых в разнообразных искусствах — руки! Ведь нам легко сжать и легко вытянуть пальцы, так как сочленения гибки и движение ничуть не затрудняет суставы. Поэтому рука, действующая при помощи пальцев, пригодна и для живописи, и для лепки, и для гравирования, и для игры на струнных инструментах или свирели. Но это — вещи, относящиеся к усладе жизни, а вот это уже касается необходимого: обработка полей, постройка домов, изготовление одежды, тканье или шитье, выделка изделий из меди и железа. Следовательно, показания наших чувств ведут нас к открытиям разума, а осуществляем мы их, приложив наши творческие руки. У нас есть города, стены, жилища, святилища, чтобы мы могли быть защищенными, одетыми, здоровыми. (151) Даже обильную и разнообразную еду доставляет нам человеческий труд, т. е. руки. Ведь руки добывают и обильные плоды, которые приносят поля, — при этом снятое или сейчас же съедается или его заготавливают впрок. Кроме того, мы питаемся зверями и земными, и водяными, и летающими, частью охотясь на них, частью выращивая. Мы даже приучили четвероногих и ездим на них: их быстрота и сила дают быстроту и силу нам самим. Некоторых животных мы навьючиваем, на других накладываем ярмо. Мы обращаем себе на пользу острее чувств слона, тонкое чутье собаки. Мы извлекаем из земных недр железо — вещь, необходимую для обработки полей, мы отыскиваем скрытые в глубине медные, серебряные и золотые жилы, дающие нам материалы, полезные в быту и годные для украшений. Мы рубим лес и используем дикорастущую и обработанную древесину, и, разложив огонь, греемся и варим пищу или возводим постройки, чтобы, укрывшись за их стенами, защититься от холода и жары. (152) Лес годен, кроме того, и для постройки кораблей, которые, совершая плаванья, в изобилии доставляют нам отовсюду полезные для жизни вещи. Мы знаем правильное соотношение тех стихий, которых природа создала наиболее свирепыми — солнца, моря, ветров, так как существует наука мореплавания. Поэтому мы пользуемся и наслаждаемся многими дарами моря. А уж господство над земными благами у человека полное. Мы используем поля и холмы, реки — наши, наши и озера, мы сеем хлеб, мы сажаем деревья, с помощью оросительных сооружений мы даем земле плодородие; мы запруживаем, направляем и поворачиваем реки, наконец, мы стараемся создать своими руками в природе вещей как бы новую природу.

(LXI, 153) А разве человеческий разум не проник в самое небо? Ведь мы единственные из живых существ знаем восход, заход и путь звезд; родом человеческим установлены день, месяц, год; вычислены и предсказаны солнечные и лунные затмения — какие, сколько и когда будут. Созерцая все это, дух наш познает богов, и у нас появляется благочестие. Ему сопутствуют справедливость и другие добродетели. Благодаря им мы живем блаженной жизнью, совершенно подобной жизни богов. Единственное, в чем мы уступаем небожителям, так это в бессмертии. Но оно не влияет на блаженство в жизни. Изложив все это, я, мне кажется, достаточно показал, насколько природа человека превосходит природу всех

¹⁰⁹ Ср. De or. I, 8, 30—34.

других существ. Поэтому ни очертание и расположение наших членов, ни огромная сила нашего ума и дарований не могли возникнуть случайно.

(154) Остается доказать, чтобы наконец кончить, что все в мире, все, чем пользуется человек, создано и приготовлено для него. (LXII) Во-первых, для богов и людей создан сам мир; и все в нем изобретено и приготовлено для пользы человеческой. Мир — это как бы общий дом для богов и людей или город для тех и других. Ведь они одни обладают разумом, руководствуются правом и законом. Следовательно, подобно тому как Афины и Лакедемон, конечно, построены для афинян и лакедемонян и справедливо говорят, что все в этих городах создано для их жителей, так, конечно, и в нашем мире все создано для богов и людей. (155) Даже ход Солнца, Луны и прочих звезд, хотя он и обуславливает внутреннюю мировую связь, в то же время дает людям прекрасное зрелище. Ибо нет картины замечательнее, нет ничего прекраснее и лучше для разума и искусства. Мы постигаем размеренный путь светил, своевременность и разнообразные изменения этого пути. И раз это знают только одни люди, следовательно, создано это для людей. (156) Земля изобилует плодами и различными видами стручков, которые она рождает с величайшей щедростью; так что же, она производит их для зверей или для людей? Что скажу я о виноградниках и масличных рощах? Их обильные сочные плоды вообще не нужны зверям. Ведь у скота нет искусства сева, обработки, своевременной жатвы и сбора плодов, уборки и нового посева — заботится обо всем этом и пользуется этим один человек. (LXIII, 157) Подобно тому как лиры и флейты сделаны для тех, кто может ими пользоваться, так же нужно признать, что все, о чем я говорил, уготовано только для тех, кто этим пользуется. И если какие-нибудь звери схватят и похитят что-нибудь из этих продуктов, мы не скажем, что значит это создано также и для них. Ведь люди жнут хлеб не для мышей и муравьев, но для жен, детей, близких. Итак, звери, как я сказал, пользуются всем этим тайком, господя — открыто и свободно. (158) Следовательно, все это изобилие уготовано для человека. Правда, огромное богатство и разнообразие плодов, их восхитительный вкус, да не только вкус, но и запах и вид, могут вызвать сомнение, действительно ли природа дала это все одним людям. Однако совсем непохоже, чтобы такое изобилие было создано ради зверей: мы ведь знаем, что сами звери были сотворены для людей. Зачем действительно нужны овцы? Только чтобы люди одевались, изготовив из их руна шерсть. А животные эти не могли бы ни расти, ни питаться, ни приносить какую-либо пользу без человеческого ухода и заботы. Собаки — какие они верные сторожа, как они нежны и ласковы к хозяину, какая у них ненависть к посторонним, какую чуткость проявляют они, идя по следу, какое возбуждение во время охоты! Разве из этого не ясно, что рождены они для человеческой пользы? (159) Что я скажу о быках? Сама спина их показывает, что она сделана не для несения тяжести, загривок же создан для ярма, а могучие и широкие плечи — для влечения плуга. Поэты рассказывают нам, что быки вспахали землю и провели на ней борозды во времена золотого поколения людей; тогда никто еще не причинял им вреда.

Но тогда внезапно родилось железное поколение,
Оно впервые осмелилось выковать губительный меч
И съест прирученного людьми молодого быка ¹¹⁰.

Ведь так велика казалась польза от быков, что преступлением считалось есть их.

(LXIV, 160) Долго говорить о пользе мулов и ослов, которые, несомненно, созданы на потребу людям. Действительно, что есть у свиньи, кро-

¹¹⁰ Имеется в виду предание о пяти поколениях людей (*Hesiod.*, *Theog.* 109—201). Приведенные стихи принадлежат Арату (см. прим. 83).

ме мяса? Сама душа дана ей вместо соли, чтобы она не протухла, как говорил Хрисипп. Природа не создала ничего плодovieе этой скотины именно потому, что она была уготована людям в пищу. А рыба! Сколько существует разновидностей рыбы и какой у нее приятный вкус! А птицы! Они доставляют такое удовольствие, что иногда кажется, что наша Пронья — сама эпикурейка. А птиц не ловили бы, если бы не разум и ловкость человека. Хотя некоторые птицы, «дающие пророчество по полету» и «дающие пророчество по крику» — как называют их наши авгуры — созданы, я полагаю, для ауспий. (161) Охотясь, мы встречаем огромных диких зверей; мы питаемся ими и упражняемся во время охоты, подражая военным упражнениям. А укротив и выдрессировав их, мы заставляем их служить себе, как, например, слонов. Из их тел мы извлекаем много лекарственных средств от болезней и ран, как и из некоторых деревьев и трав, о пользе которых мы узнали благодаря долгому употреблению и опыту. Давайте посмотрим словно бы духовными очами на всю землю и море. Ты различишь плодородные нивы и бескрайние просторы полей, кустейший покров холмов, пастбища для скота, и стремительный бег морских волн. (162) И не только на земле, но и в глубинных недрах ее скрыто огромное количество полезных вещей. Они созданы для человека и находят их одни только люди.

(LXV) Вы оба, конечно, будете критиковать науку предвидения: Котта — потому что Карнеад охотно нападал на стойков, Веллей — потому что Эпикур ни над чем так не издевался, как над предсказанием будущего¹¹¹. Но мне кажется, что именно она, пожалуй, наиболее подтверждает, что божеский промысел печется о делах человеческих. Ведь, несомненно, есть предвидение, которое проявлялось много раз во многих местах, во многих частных и особенно общественных делах. (163) Многие знают гаруспики, многие предвидят авгуры, многие разъясняют оракулы, пророчества, сны и знамения. Многие будут происходить согласно желанию человека, он получит много выгод и избежит многих невзгод, если овладеет наукой предвидения. Следовательно, эта сила, искусство или природное свойство даны бессмертными богами человеку и никому другому для знания будущего. Если на вас не действует этот аргумент, взятый в отдельности, то все в целом, соединенное и связанное между собой, конечно, должно подействовать.

(164) Действительно, бессмертные боги всегда проявляли заботу и попечение не только о всем роде человеческом, но и об отдельных людях. Ведь всю совокупность рода человеческого можно сузить, свести ее к небольшим группам и, наконец, к отдельным лицам. (LXVI) Ибо раз мы на основании соображений, которые я приводил, считаем, что боги заботятся обо всех людях, где бы они ни жили, в каком бы краю или части того круга земель, который мы населяем, ни находились, ясно, что боги заботятся обо всех людях, которые вместе с нами возделывают все эти земли от восхода до заката. (165) Если же они заботятся об обитателях того большого острова, который мы называем кругом земель¹¹², они заботятся также и об обитателях отдельных частей этого острова, а именно: Европы, Азии, Африки. Значит они пекутся и о частях этих частей: о Риме, Афинах, Спарте, Родосе. Любят и отдельных граждан этих городов. Во время Пирровой войны они любили: Курия¹¹³, Фабриция¹¹⁴, Корункания¹¹⁵, во

¹¹¹ Диоген также сообщает, что Эпикур отрицал предвидения и не верил гаданиям (*Diog. Laert.*, X, 135).

¹¹² Ср.: «Вся та земля, которую населяете вы (люди. — Т. Л.) ... есть, так сказать, небольшой остров, омываемый морем, которое вы на земле называете Атлантическим, Великим, или Океаном» (*De re publ.* VI, 20, 21).

¹¹³ М. Курий Дентат, разбивший Пирра при Малевенте (Беневенте).

¹¹⁴ Г. Фабриций Лусцин — консул 282 г. до н. э., полководец времен Пирровой войны.

¹¹⁵ Консул 280 г. до н. э., первый верховный понтифик из плебеев, крупный правед.

время Первой Пунической — Калатина ¹¹⁶, Дуиллия ¹¹⁷, Метелла ¹¹⁸, Лутация ¹¹⁹, во Вторую Пуническую войну — Максима ¹²⁰, П. Африканского ¹²¹, Марцелла ¹²², а позже Павла ¹²³, Гракха ¹²⁴, Катона ¹²⁵ и на памяти отцов — Сципиона ¹²⁶ и Лелия ¹²⁷. Наше государство и Греция дали много исключительных мужей, и невозможно поверить, чтобы они могли быть такими без помощи божества. (166) Эта мысль вдохновляла многих поэтов, особенно Гомера; ведь во время опасности, в решающую минуту боги сопутствуют его главным героям — Улиссу, Диомеду, Агамемнону, Ахиллесу. Кроме того, частое появление самих богов, о котором я упоминал ранее, свидетельствует, что они заботятся о государствах и об отдельных людях. Об этом же свидетельствуют предвестники будущего, которые являются нам во сне и наяву. Нас предостерегают многочисленные знамения, гадания по внутренностям и много других вещей, которые мы хорошо узнали благодаря долгому опыту; ведь возникло даже искусство предвидения. (167) Не существовало никогда ни одного великого мужа без некоего божественного вдохновения. Против этого нельзя выдвигать следующее возражение: раз так, значит, если непогода разорит кому-нибудь пашню или виноградник, если случайно погибнет у кого-нибудь жизненно необходимое, мы должны считать, что бог этого человека ненавидит или им пренебрегает. Боги заботятся о главном, но пренебрегают незначительным. Великим мужам во всем и всегда сопутствует удача, ибо величайшее богатство заключается в самой добродетели ¹²⁸, как прекрасно доказали стойки и основатель греческой философии Сократ.

(LXVII, 168) Таковы приблизительно мои мысли о природе богов, которые я считал необходимым изложить. Ты же, Котта, послушайся меня: ты должен защищать наше учение; вспомни, что ты первый гражданин и понтифик. И так как вам, академикам, можно выбирать любую точку зрения, лучше уж прими нашу сторону. И отстаивай ее с тем красноречием, которое ты приобрел упражнением в риторике и углубил занятиями в Академической школе. Ведь это дурная и нечестивая манера — рассуждать против богов, от души ли вы это делаете или притворно.

III

(I, 1) Когда Бальб сказал это, Котта, смеясь, заметил:

— Ты поздно распорядился, Бальб, что мне защищать. Ведь пока ты рассуждал, я заранее готовил, что мне сказать против, и не столько, чтобы опровергнуть тебя, сколько, чтобы понять то, что мне неясно. Ведь у каждого должно быть свое мнение, и трудно добиться, чтобы я думал так, как хотелось бы тебе.

(2) Тут вмешался Веллей:

— Ты и не подозреваешь, Котта, с каким нетерпением я хочу тебя послушать. Ведь нашему Бальбу были приятны твои речи против Эпикура,

¹¹⁶ А. Калатин — см. прим. 47.

¹¹⁷ Г. Дуиллий, консул, разбивший в 260 г. до н. э. карфагенский флот в битве при Милах.

¹¹⁸ Л. Цецилий Метелл — консул 251 и 257 гг., диктатор 222 г. до н. э., разбил Газдрубала при Панорме.

¹¹⁹ Кв. Лутаций Катул разбил карфагенян в морском сражении при Дрепанах (241 г. до н. э.).

¹²⁰ См. прим. 49.

¹²¹ Имеется в виду П. Корнелий Сципион Африканский Старший.

¹²² См. прим. 48.

¹²³ Л. Эмилий Павел — победитель Персея Македонского.

¹²⁴ Отец знаменитых трибунов, см. прим. 18.

¹²⁵ М. Порций Катон Старший Цензор, консул 195, цензор 184 г. до н. э.

¹²⁶ П. Корнелий Сципион Африканский Младший.

¹²⁷ Г. Лелий Мудрый, консул 140 г. до н. э.

¹²⁸ См. I, 7, 16.

теперь же, когда ты выступаешь против стойков, и я покажу себя твоим внимательным слушателем. (3) Ведь, я надеюсь, ты, как всегда, явился хорошо подготовленным¹.

На это Котта:

— Конечно, клянусь Геркулесом, Веллей; ведь мои взгляды не такие, как у Луцилия, и не такие, как у тебя.

— А какие же?— спросил тот.

— Мне кажется, что ваш Эпикур не очень убедительно рассуждает о бессмертных богах. Он только не осмеливается отрицать существование богов, чтобы не навлечь на себя ненависти и обвинений. Действительно, он утверждает, что боги ничего не делают, ни о чем не заботятся, не делены человеческими членами, но никак не пользуются этими членами, и, кажется, полагает, что достаточно одурачит всех, если признает, что есть некая блаженная и вечная природа. (4) А вот Бальб, как ты, конечно, заметил, сказал очень много, и все это, даже если оно и не верно, было очень связано между собой и очень подходило друг к другу; поэтому, как я уже сказал, я намерен не столько опровергать его речь, сколько разобраться в том, что мне неясно. Поэтому, Бальб, я предоставляю тебе на выбор: предпочитаешь ли ты отвечать мне на вопросы об отдельных вещах, которых я не понял, или выслушать мою речь в целом.

На это Бальб сказал:

— Я бы предпочел отвечать тебе, если ты хочешь, чтобы я что-нибудь тебе разъяснил; если же ты спрашиваешь меня не столько, чтобы понять, сколько, чтобы опровергнуть, я сделаю одно из двух, согласно твоему желанию: или тотчас же отвечу по отдельности на то, что ты спрашиваешь, или в целом, когда ты выскажешься подробно.

(5) Превосходно,— воскликнул Котта,— тогда будем рассуждать так, как нас поведет сама речь. (II) Но прежде чем мы приступим к делу, я скажу несколько слов о самом себе. Ведь на меня немалое впечатление произвели и твой авторитет, и твои слова, которыми ты закончил свою речь, увещевая меня, чтобы я вспомнил, что я — Котта и понтифик. Это значило, я полагаю, что я должен защищать те верования в бессмертных богов, которые мы получили от предков, то есть священнодействия, церемонии и религию. И я, действительно, их всегда защищал и всегда буду защищать; и ничья ученая или неученая речь никогда не поколеблет в моей душе то представление о культе бессмертных богов, которое я получил от предков. Но когда разговор идет о религии, я следую верховным понтификам Ти. Корнелию, П. Сципиону², П. Сцеволе, а не Зенону, Клеанфу и Хрисиппу, и у меня есть Г. Лелий³, авгур и в то же время Мудрец, и я лучше послушаю, как в своей знаменитой речи говорит о религии он, чем какой угодно основатель стоицизма. Вся религия римского народа делится на священнодействия, ауспиции, и еще добавим третью часть, когда толкователи Сивиллиных книг или гаруспики предвещают что-нибудь на основании знамений, по появлению уродов или чудовищ. Я думаю, что никогда не следует осуждать ни одну из этих частей религии, и я убежден, что Ромул благодаря ауспициям, а Нума благодаря священнодействиям заложили основание нашего города, который, конечно, никогда не смог бы стать столь великим, если бы мы не умилощивляли бессмерт-

¹ См. кн. II, прим. 68.

² Имеется в виду не один из Сципионов Африканских, а П. Сципион Назика, сын Гнея, консул 191 г. до н. э. Когда в Рим привезли Сирийскую Мать богов, он был послан для ее встречи, так как сенат признал его добродетельнейшим человеком Рима (*Liv.*, XXIX, 14, 8; *Fin.*, V, 22, 64).

³ Прозвище Г. Лелия было Мудрый. К 145 г. до н. э. народный трибун Г. Лициний Красс предложил законопроект, по которому выборы в жреческие коллегии должны были проводиться не членами этих коллегий, а народом. Г. Лелий, тогда претор, произнес против него свою самую знаменитую речь, бывшую апофеозом религии предков. В результате законопроект был отклонен (*Cic.*, *De amic.* 25, 95; *Brut.* 21, 83; см. также далее, III, 17, 43).

ных богов. (6). Теперь ты знаешь, Бальб, что думает Котта, что думает понтифик, сделай же, чтобы и я понял, что ты думаешь; ведь я должен получить аргументы в защиту религии от тебя, от философа, а предкам нашим я должен верить без всяких доказательств.

(III) На это Бальб возразил:

— Каких ты ждешь от меня доказательств, Котта?

— Твое деление,— отвечал тот,— было четырехчленным: во-первых, ты хотел доказать, что боги существуют; во-вторых,— показать, каковы они; в-третьих,— что мир управляется ими; в-четвертых,— что они заботятся о делах человеческих. Таково, если я правильно припомнил, было твоё деление.

— Совершенно правильно,— сказал Бальб,— но я жду, о чем ты спросишь.

(7) Давайте же,— начал Котта,— рассмотрим первый пункт: если по этому вопросу сходятся все, кроме одних нечестивцев,—а уж из моей души невозможно исторгнуть веру в существование богов,— так ведь это то же самое, в чем меня убеждает и авторитет предков, но вот почему это так, ты мне никак не доказал.

— То есть как?— спросил Бальб.— Если ты в этом убежден, что же ты хочешь узнать от меня?

— Дело в том,— объяснил Котта,— что я приступаю к нашему обсуждению так, словно я никогда ничего не слышал о бессмертных богах и ничего не знаю о них. Выслушай же меня, невежественного и несведущего ученика, и научи тому, о чем я спрашиваю.

(8) Говори же,— сказал тот,— о чем ты спрашиваешь.

— Я-то? Во-первых, раз ты сказал, что этот пункт не нуждается в доказательствах, так как это совершенно ясно и ни у кого не вызывает сомнения, почему же ты говорил об этом самом так много?

— Потому,— отвечал тот,— что я часто замечал, что на Форуме ты, Котта, говоришь точно так же, когда можешь буквально завалить судью многочисленнейшими доказательствами, если только дело представляет тебе такую возможность. И так же делают и философы, и я сделал, как умел. Ты же, говоря это, поступаешь так, как если бы спросил у меня, почему я смотрю на тебя двумя глазами и не закрываю одного, хотя мог бы добиться того же эффекта, глядя одним.

(IV, 9) Есть ли тут сходство, ты увидишь сейчас сам,— возразил Котта,— ведь не в обычае у меня доказывать нечто очевидное, с чем согласны все. Ведь очевидность ослабляется аргументацией. Но если бы даже я поступал так на Форуме, я бы не поступил так в нашей простой беседе. У тебя нет никакой причины закрывать один глаз, так как у обоих очей зрение одинаковое и так как природа вещей, которую ты считаешь мудрой, пожелала, чтобы у нас было как бы два окна, пробитых от духа к глазам⁴. Но поскольку ты не был уверен, что это столь очевидно, как бы тебе хотелось, ты пожелал доказать существование богов при помощи многих аргументов. Мне было бы достаточно одного — что так завещали нам наши предки, но ты пренебрегаешь авторитетами, ты борешься разумом. (10) Значит, представляется возможность моему разуму состязаться с твоим. Приводя все эти доказательства существования богов, ты достигаешь, на мой взгляд, того, что благодаря твоей аргументации самая несомненная вещь становится сомнительной. Я ведь запомнил не только количество, но и порядок твоих аргументов. Первым было то, что, когда мы взглянем на небо, сейчас же понимаем, что есть некое божество, которое всем этим управляет. Отсюда стихи: «Взгляни на эту сияющую высь; ее все зовут Юпитером»⁵.

(11) Как будто в самом деле кто-нибудь из нас назовет Юпитером эту сияющую высь, а не Капитолийского бога. И разве это так очевидно и все-

⁴ Такое же рассуждение о душе и органах чувств в Tusc. I, 20, 46.

⁵ См. II, 2, 4.

согласны с тем, что боги — именно они, хотя Веллей и многие другие не признают даже, что они — одушевленные существа⁶? Тебе кажется веским аргументом, что представление о бессмертных богах общераспространено и ширится с каждым днем. Но неужели вам угодно выносить суждение на основании мнения глупцов, вам, которые говорят, что они безумны?⁷ (V) Но ведь нам, по вашим словам, являются боги; например, они являлись Постумию у Регильского озера, Ватинию на Соляной дороге; есть еще какой-то рассказ о битве Локров у реки Сагры⁸.

И вот ты считаешь, что те, кого ты называл Тиндаридами, то есть люди, рожденные человеком, о которых Гомер, живший вскоре после них, говорит, что они погребены в Лакедемоне⁹, так вот, ты считаешь, что они верхом на белых клячах без всякой прислуги выехали, чтобы возвестить победу римского народа, навстречу простому человеку Ватинию, а не Марку Катону¹⁰, бывшему тогда первым гражданином? Значит, ты веришь, что тот отпечаток на булыжнике, вроде как бы от копыта, который сейчас виден у Регилла, — след коня Кастора? (12) Разве не лучше верить в то, что еще можно допустить: что души знаменитых людей, какими были твои Тиндариды, божественны и вечны, чем считать, что люди, которые были сожжены, могут скакать верхом и сражаться в войске? Если же это, как ты говоришь, возможно, объясни — как, чтобы не рассказывать старушечьих басенок.

(13) Неужели это кажется тебе басенками? — возразил Луцилий. — Разве ты не знаешь, что А. Постумий освятил на Форуме храм Кастору и Поллуксу, разве тебе неизвестен сенатусконсультум¹¹ о Ватинии? А о Сагре есть даже общераспространенная греческая поговорка: «Кто может сказать, что его слова более истинны, чем события у Сагры?»¹² Неужели на тебя не действуют такие авторитеты?

— Слухами сражаешься ты со мной, Вальб, — отвечал Котта, — а я жду от тебя доказательств.

(Небольшая лагуна)

(VI, 14). . . Следовательно, это будет: ибо пикто не может избежать того, что будет. Часто даже нет никакой пользы знать будущее. Ведь тяжело мучиться, ничего не предпринимая, не имея даже последнего общего утешения — надежды, так как вы особенно настаиваете, что все происходит благодаря року, и то, что на протяжении всей вечности является истиной, — это и есть рок. А тогда какую помощь нам дает знание какого-нибудь из будущих событий, какое предостережение оно нам дает, если все это наверняка будет? Далее. Откуда у нас предвидение? Кто указал на каркание вороны? На жребий? Я верю этому и не могу презирать жезл Атта Навия¹³, которого ты упомянул. Но я должен услышать от философов, как понимать это явление, особенно если все эти пророки столько раз лгали. (15) Но ведь и медики, говоришь ты, часто ошибаются. Что же сходного между медициной, основание которой я вижу, и предвидением, где я не понимаю, как оно возникает? И ты даже считаешь, что жертва Дециев

⁶ Речь идет о небесных светилах, которых стойки обожествляли, а эпикурейцы считали неодушевленными.

⁷ О том, что стойки считали всех глупцов безумными, см. *Cic.*, *Paradox.* IV.

⁸ См. II, 2, 6.

⁹ *Hom.*, II, III, 243—244. Гомер говорит, что оба брата Елены были взяты землей в Лакедемоне. Но в «Одиссее» уточняется, что они были взяты землей живыми, один день проводят в Анде, один день — среди живых и имеют честь наравне с богами. (*Hom.*, *Od.* XI, 300—304).

¹⁰ То есть Катону Старшему Цензору.

¹¹ Кроме законов, принятых народным собранием, существовали еще *senatus consulta*. Сенат не имел законодательной власти, поэтому *senatus consulta* понимались как инструкции сената магистратам, обладающим юрисдикцией, причем предписания инструкции приводились в действие властью этих последних.

¹² Ср. *Menandr.*, fr. 17.

¹³ См. II, 3, 9.

умилостивила богов ¹⁴! Как же ужасна их жестокость, если римский народ не мог бы их умилостивить, если бы не пали такие великие мужи! Но это был военный прием императоров (греки называют это *στρατηγικα* [стратегический маневр]), тех императоров, которые, заботясь о родине, не щадили своей жизни, ибо они думали, что войско бросится за императором, который, разгорячив коня, кинется на копья врагов. Так и случилось. Голоса Фавна я никогда не слышал ¹⁵. Тебе, раз ты говоришь, что слышал, я верю, хотя и не знаю, что такое вообще Фавн. (VII) Итак, до сих пор, Бальб, ты не смог меня убедить в существовании богов. Я-то верю, что они существуют, но стойки это ничуть не доказали. (16) Ведь Клеанф, как ты сказал, полагал, что понятие о богах формируется в душах человеческих четырьмя способами. Первый — о нем я сказал достаточно — зиждется на предвидении будущего, второй — на бурях и непогоде и прочих стихийных явлениях, третий — на гармонии в природе и обилии ее даров, которые мы видим, четвертый — на порядке звезд и постоянстве движения неба. О предвидении мы уже говорили. Что касается волнений неба, моря и земли, я не могу отрицать, что, когда они происходят, находится немало людей, которые боятся их и полагают, что происходит это по воле бессмертных богов. (17) Но вопрос ведь не в том, есть ли люди, думающие, что боги существуют, а в том — существуют ли боги или их нет. Остальные же доводы, приводимые Клеанфом, — один зиждется на обилии даров природы, которыми мы пользуемся, второй — на порядке и смене времен года и постоянстве движения неба, — мы обсудим, когда будем говорить о промысле богов, о котором, Бальб, ты сказал так много. (18) По этим же причинам мы отложим обсуждение приведенных тобой слов Крисиппа: «Так как есть в природе вещей нечто, что не может создать человек, значит, есть что-то лучшее, чем человек». Мы отложим также твоё сравнение прекрасного дома с красотой мира и обращение к гармонии и соответствию всего мира и тогда же, как я сказал, обсудим короткими замысловатыми выводи Зенона. А все, что ты сказал насчет физики, — о силе огня и того тепла, из которого, по твоим словам, рождается все, мы рассмотрим в своем месте. А также все, что было сказано тобой третьего дня ¹⁶, когда ты хотел показать, что боги существуют, так как и мир в целом, и Солнце, и Луна, и звезды обладают чувствами и разумом, мы отложим до того же времени. (19) А я еще и еще спрашиваю тебя все о том же: на основании каких соображений ты убежден, что боги существуют?

(VIII) Право же, мне кажется, что я привел доводы, — ответил Бальб, — но ты на них возражаешь так, что, когда кажется, что ты собираешься спросить меня, а я готовлюсь ответить, ты внезапно поворачиваешь речь таким образом, что не даешь мне возможности для ответа. И вот наиболее важные вопросы — о предвидении, о роке — были обойдены молчанием. Обо всем этом ты упомянул вскользь, наши же обычно рассуждают много, но это не относится к нашему вопросу, который мы сейчас обсуждаем. Поэтому, пожалуйста, не веди речь беспорядочно, чтобы в ходе нашего диспута мы смогли выяснить то, о чем спорим.

(20) Хорошо, — отвечал Котта. — Поскольку ты разделил весь вопрос на четыре части, а о первой мы поговорили, рассмотрим вторую. Мне кажется, ее изложение было таким, что, желая показать, каковы боги, ты показал, что их вообще нет. Ты сказал, что дух с огромным трудом отвлекается от зрительной привычки ¹⁷, но, так как нет ничего совершеннее бога, ты не сомневаешься, что бог есть мир, лучше которого нет ничего в природе вещей. Только бы нам осознать, что он — живое существо, или лучше даже не осознать, а различить это духом так же, как мы различаем глазами прочие предметы. (21) Но вот ты говоришь: нет ничего лучше мира.

¹⁴ См. II, 3, 10.

¹⁵ См. II, 2, 6.

¹⁶ См. кн. II, прим. 68.

¹⁷ См. II, 17, 45 слл.

Но что ты подразумеваешь под словом «лучше?» Если то, что он всего прекраснее — согласен, если то, что он более всего для нас благоприятен — согласен и с этим, но если ты подразумеваешь, что нет ничего мудрее мира, я никоим образом не могу согласиться. Уму нетрудно отвлечься от зрительных образов, но чем больше я отвлекаюсь, тем меньше понимаю, что же ты утверждаешь. (IX) Нет в природе вещей ничего лучше мира, говорите вы, а на земле — нашего города. Но неужели ты предполагаешь, что по этой причине в городе есть рассудок, мысль, разум? Или, поскольку этого нет, считаешь, что муравью следует отдать предпочтение перед нашим самым прекрасным городом, так как у города нет никаких чувств, а у муравья не только чувства, но даже ум, рассудок, память? Надо полагать, Бальб, что ты утверждаешь не то, что хочешь сам, но что тебе навязано. (22) Все это прекрасно выражено в знаменитом древнем кратком и, как тебе кажется, проницательном изречении Зенона. Зенон ведь выводит такое заключение: «То, что обладает разумом, лучше, чем то, что разумом не обладает. А нет ничего лучше мира, следовательно, он обладает разумом». (23) Так, если тебе вздумается, ты выведешь, пожалуй, что мир, по видимому, лучше всего читает книги. Ты ведь можешь сделать, следуя Зенону, такой вывод: «То, что грамотно, лучше, чем то, что неграмотно. А нет ничего лучше мира, следовательно, мир грамотен». Таким способом мир станет оратором, математиком, музыкантом, впоследствии сведущим во всех науках, наконец, даже философом. Ты часто говорил, что ничего не может возникнуть без бога и нет никакой силы природы, которая могла бы создать нечто несхожее с собой. Видимо, мир не только живое существо и мудрец, но даже кифаред и флейтист, так как из него произошли люди этих профессий? Итак, этот отец стоиков ничуть не добился того, чтобы мы признали, что мир обладает рассудком и что он вообще живое существо. Следовательно, мир — не бог, и, однако же, нет ничего лучше него, ничего прекраснее, ничего благоворнее для нас, ничего красивее для глаз, ничего постояннее в движении. Итак, если мир в целом — не бог, не боги также и звезды, бесчисленное множество которых ты ввел в число богов, ибо равномерный и вечный ход их тебя восхищает и, клянусь Геркулесом, по справедливости: постоянство их движения удивительно и невероятно. (24) Но, Бальб, не во всем, что обладает определенным и постоянным движением, мы должны видеть бога, а не явления природы. (X) Как ты полагаешь, что может быть постояннее Халкидского Еврипа¹⁸, Сицилийского залива или бушующего океана во время неизменно повторяющихся отливов там, где «Стремительная волна разделяет Европу и Ливию»¹⁹? А разве могут существовать без бога морской прибой в Испании или Британии и приливы и отливы в этих же странах в определенное время? Прошу тебя, подумай; если мы будем называть божественными всякое движение и все, что сохраняет свой порядок в течение определенных промежутков времени, не придется ли нам назвать божественной трехдневную или четырехдневную лихорадку, ибо что может быть постояннее ее повторяющихся приступов? Нужно объяснить причину всех такого рода вещей; (25) поэтому-то вы, будучи не в силах этого сделать, словно к алтарю, прибегаете к богу. Тебе кажутся проницательными слова Хрисиппа, человека, без сомнения, изворотливого и ловкого (я называю изворотливыми тех, мысль которых быстро поворачивается, ловкими же [callidos] — тех, дух которых от употребления нагревается [concalluit], как рука от дела)²⁰. И вот он говорит: «Если есть нечто такое, что человек не может создать, создавший это — лучше человека. А человек не может создать то, что есть в мире, следовательно, тот, кто может это сделать, превосходит человека. А кто

¹⁸ Халкидский Еврип — пролив между Евбеей и Европейским материком.

¹⁹ Стих неизвестного поэта, возможно, Энния.

²⁰ Цицерон имеет в виду, очевидно, изворотливость ума Хрисиппа и в то же время некоторую его тяжеловесность, так что мысли его как бы ворочаются с усилием и от этого нагреваются.

может превзойти человека, кроме бога? Следовательно, бог есть». Тут та же ошибка, что и у Зенона. (26) Но ведь здесь строго не определено, что значит «лучше», «совершеннее», природа не отделена от разума. Хрисипп говорит, что во всей природе нет ничего лучше человека, если богов нет. Он считает, что величайшее самомнение для человека — думать, что нет ничего лучше человека. Было бы, действительно, самомнением думать, что ты лучше мира. Но не только не самомнение, но даже скорее благоразумие — понимать, что ты имеешь чувства и разум, а Орион и Каникула²¹ — нет. И «если есть красивый дом, мы понимаем, — говорит он, — что построен он для господ, не для мышей; следовательно, мы должны считать, что мир — дом богов». Разумеется, я так бы и считал, если бы думал, что он построен, а не создан природой, как я покажу.

(XI, 27) У Ксенофонта Сократ спрашивает, откуда бы мы взяли дух, если бы никакого духа в мире не было. А я спрашиваю: откуда мы взяли речь, ритм, песни, если, конечно, мы не предположим, что Солнце беседует с Луной, когда подходит поближе, или что мир гармонически поет, как считает Пифагор²²? Все это свойственно природе, Бальб, природе, которая не движется, подобно искусному мастеру, как думал Зенон²³, — это положение мы рассмотрим далее, — а приводит все в действие и возбуждает движением и изменениями. (28) Мне понравилась твоя речь о гармонии и соразмерности природы, которая, как ты сказал, как бы связала все тесной родственной связью. Но я не одобряю твоего утверждения, что этого не было бы, если бы не охватывало все единое божественное дыхание. Все это связуют и сохраняют силы природы, не богов. Есть в этом словно бы та гармония, которую греки называют *συμμετακίνησις* [взаимное тяготение]. Но тем меньше оснований считать созданным божественным разумом то, что велико собственными силами.

(XII, 29) А как вы опровергнете аргументы Карнеада²⁴? Если ни одно тело не бессмертно, то ни одно живое существо не вечно, а ни одно тело не бессмертно, и нет даже атома, который не мог бы разделиться и распасться. И поскольку всякое живое существо обладает восприимчивой природой и нет среди них ни одного, которое бы могло избежать необходимости что-то брать, то есть как бы принимать и получать что-нибудь извне, и если всякое живое существо таково, то нет ни одного бессмертного. Точно так же, если всякое живое существо может разделиться и расчлениваться, из них нет ни одного неделимого, ни одного вечного, и всякое живое существо создано для того, чтобы получать и принимать внешнюю силу, следовательно, всякое живое существо непременно должно быть смертно, разложимо и делимо. (30) Если бы всякий воск был текуч, не было бы никаких изделий из воска, которые не могли бы изменяться, также никаких изделий из серебра, никаких из меди, если бы изменчивой была природа серебра и меди; подобным образом, если материал, из которого состоит все, изменчив, ни одно тело не может не быть изменчивым. А то, из чего, как вам кажется, состоит все, изменчиво, значит всякое тело изменчиво. А если бы существовало некое бессмертное тело, то не все было бы изменчивым; итак, выходит, что всякое тело смертно. Каждое тело есть вода, воздух, огонь, земля или то, что ступилось из них или из какой-либо их части. (31) И нет ни одного элемента, который не был бы подвержен разрушению. Ведь все, состоящее из земли, разделяется. Влага же так податлива, что ее легко сжать и смять. Огонь и воздух легко реагируют на каждый толчок, и они сразу же, уступая природе, быстро рассеиваются. Кроме того, все элементы разрушаются, переходя в другое состояние. Земля

²¹ Каникула (Собачка), ныне Сириус.

²² Имеется в виду знаменитая музыка сфер. Ср. *Cic.*, *De re publ.* VI, 18, 18—19.

²³ См. II, 22, 57.

²⁴ Далее Котта приводит доводы Карнеада, записанные Клитوماхом. В более полном виде они сохранены у Секста. Из сравнения с Секстом видно, что Цицерон много опускал (*Sext.*, *Adv. math.* IX, 138 sqq.).

превращается в воду, а из воды возникает воздух, из воздуха — эфир, и затем они возвращаются в прежнее состояние. Поэтому, раз разрушается то, из чего состоит каждое живое существо, ни одно живое существо не вечно.

(XIII, 32) Хотя мы и обходим это молчанием, все же нельзя найти ни одного живого существа, которое никогда не было рождено и пребудет вечно. Ведь всякое живое существо имеет чувства; значит, оно ощущает и жару, и холод, и сладкое, и горькое и не может с помощью какого-то чувства ощущать приятное и не ощущать противоположное. Значит, если оно испытывает чувство наслаждения, оно испытывает и страдание. А кто знает страдание, непременно знает и гибель. Значит, нужно признать, что всякое живое существо смертно. (33) А если и есть что-либо, не ощущающее ни наслаждения, ни страдания, оно не может быть живым существом. Если же это живое существо, оно обязательно чувствует все это; а то, что испытывает все эти чувства, не может быть вечным; всякое же живое существо их испытывает, значит, ни одно живое существо не вечно. Кроме того, не может быть ни одного живого существа, у которого от природы не было бы никаких влечений и отвращений. Влечение испытывают к тому, что согласно с их природой; отвращение вызывает противоположное. Поэтому всякое живое существо стремится к чему-нибудь и чего-нибудь избегает. И то, чего оно избегает, — противно его природе, а то, что противно его природе, имеет разрушительную силу. Значит, всякое живое существо обязательно погибнет. (34) Существует бесчисленное количество доводов, из которых можно вывести и заключить, что нет ничего, что обладало бы чувствами и не было бы обречено на гибель. Поэтому все наши ощущения — холод, жара, наслаждение, страдание и другие чувства — могут погубить нас, если слишком усилятся. А нет ни одного живого существа, не обладающего чувствами; следовательно, ни одно живое существо не вечно. (XIV) Природа живых существ или проста, то есть состоит из одной только земли, одного огня, или воздуха, или влаги (но такое живое существо невозможно представить), или она сгустилась из многих элементов, каждый из которых занимает в мире определенное место: одни — низ, другие — верх, третьи — середину. Все эти элементы могут быть связанными между собой некоторое время, но навечно никак не могут. Каждый элемент обязательно вернется на свое место. (35). Итак, ни одно живое существо не вечно. Ваши, Бальб, сводят все обычно к силе огня, следуя, я полагаю, Гераклиту. Но о нем говорить не будем, так как его не все понимают одинаково — ведь он сам не хотел, чтобы его поняли²⁵. Вы утверждаете, что всякая сила — огненная и живые существа погибают, если их тепло остынет²⁶, и во всей природе вещей полно жизни и силы лишь то, что горячо. Но разве тела гибнут, только когда угаснет жар, и не гибнут, когда уходит влага или воздух? Кроме того, погибнуть можно и от чрезмерного жара. (36) Это — общее свойство всех элементов, в том числе тепла. Посмотрим, что из этого следует. Я думаю, вы считаете, что огонь — единственное живое и чувствующее существо во всей природе вещей. Но неужели огонь больше живое существо, чем воздух [anima], из которого состоит дух [animus] одушевленных существ [animantes], почему они и называются «одушевленные» [animantes]? Так как же вы утверждаете, словно это общее мнение, что нет духа, кроме огня? Представляется более вероятным, что существует некий дух, в надлежащей пропорции состоящий из огня и воздуха. Но если огонь — живое существо сам по себе, без примеси другого элемента, ибо это он, находясь в наших телах, наделяет нас чувствами, то сам он не может не обладать ими. И снова мы можем сказать то же самое: то, что обладает чувствами, обязательно испытывает наслаждение и страдание, а к кому приходит страдание, к тому при-

²⁵ См. I, 26, 74.

²⁶ См. II, 9, 23—24.

ходит и гибель. Итак, выходит, что и огонь вы не можете сделать вечным. (37) Но вы, кроме того, утверждаете, что всякий огонь нуждается в пище и не может существовать не питаясь. Значит, солнце, луна и остальные звезды питаются водой, кто — пресной, кто — морской? И Клеанф считает это причиной того, что солнце возвращается и не удаляется по орбите далеко от точек летнего и зимнего солнцестояния, так как не хочет уходить от еды ²⁷. Позже мы вернемся к этому. Сейчас же нужно сделать вывод, что то, что может погибнуть, не бессмертно от природы; огонь же погибнет, если не будет питаться, значит, огонь не вечен от природы.

(XV, 38) Можем ли мы понять бога, не наделенного никакой добродетелью? Разве мы не наделяем бога благоразумием, которое заключается в знании доброго и злого и не доброго и не злого? Но как тот, в ком нет и не может быть ничего злого, сможет отличить добро от зла? С помощью рассудка? Или пронизательности? Мы пользуемся ими, чтобы постичь скрытое через явное, но для бога не может быть ничего скрытого. Какое отношение имеет к богу справедливость, которая воздает каждому свое? Ведь, как вы утверждаете, справедливость порождается обществом и общностью людей. Воздержанность же состоит в пренебрежении телесными наслаждениями; значит, если есть в небесах место воздержанности, есть место и наслаждению. Как можно представить себе мужественного бога? Мужественного в страданиях? В труде? В опасности? Все это богу чуждо. (39) Как же мы можем представить себе бога, не обладающего рассудком, не наделенного ни одной добродетелью? Обдумывая учение стоиков, я уже не могу свысока глядеть на несведущую толпу и на невежд. Ведь вот верования невежд. Сирийцы поклоняются рыбе ²⁸, почти все породы животных почитаются египтянами. А уже в Греции имеется много богов из числа людей: Алабанд ²⁹ у жителей Алабанд, Тенн ³⁰ у тенедев, а Левкотее, которая была раньше Ино ³¹, и ее сына Палемона ³², Геркулеса, Эскулапа и Тиндаридов чтит вся Греция, а наши соотечественники почитают Ромула и многих других, которые, как они полагают, взяты на небо как новые и приписанные граждане ³³. (XVI, 40) Так говорят неучи. А что же вы, философы? Чем вы лучше? Я обхожу молчанием то, что по крайней мере красиво; в самом деле, пусть бог — сам мир. Конечно, это — «та сияющая высь, которую все называют Юпитером». Почему же мы прибавляем еще столько богов? Как велика их толпа! Мне, действительно, кажется, что их многовато. Ведь вы причисляете к богам отдельные звезды, называя их то именами зверей, как, например, Коза, Скорпион, Бык, Лев, то названиями неодушевленных предметов, как Арго, Жертвенник, Корона. (41) Пусть даже мы согласимся с этим. Но как можно не то что согласиться, но просто понять остальное? В разговорной речи мы называем хлеб Церерой, а вино Либером, но неужели ты думаешь, что есть такой сумасшедший, который верил бы, что еда, которую он ест, — бог? Ведь

²⁷ См. I, 33, 83; 15,40; 46,118.

²⁸ Это богиня Атаргитис-Деркето, главный храм которой был у реки Гал. По словам Диодора, у этой богини лицо было женское, а тело — рыбе (*Diod.*, II, 4). Лукиан также ее подробно описывает (*Lucian, de Dea Syr.* 14). См. также *Xen., Anab.* I, 4, 10.

²⁹ Мифический основатель карийского города Алабанд.

³⁰ Тенн — сын Кикна или, по другим свидетельствам, Аполлона. Изгнанный Кикном, он поселился на острове, который назвал по своему имени Тенедосом. Тенн пытался помешать высадке ахейцев на свой остров, за что и был убит Ахиллом (*Apollod.*, III, 23—26).

³¹ Ино — дочь Кадма и Гармонии, вторая жена Атаманта, мачеха Фрикса и Геллы. Ино воспитала Диониса, за что Гера послала безумие на мужа ее, Атаманта, который хотел убить ее и своих детей. Одного сына он убил, но Ино с другим сыном, Меликертом, бросилась в море, где Дионис спас ее и сделал морской богиней Левкотеей. В Риме она была отождествлена с Матерью Матутой.

³² Палемон — морской бог, сын Левкотей-Ино. Пока он был человеком, носил имя Меликерт.

³³ Резко осуждал обожествление людей еще П. Сцевола (см. кн. I, прим. 113), он и называет те же имена, что и Цицерон, очевидно, предполагая, что это может принести и к обожествлению владык в Риме (*Aug., C. D.*, 17, 27).

раз ты говоришь о людях, которые поднялись до богов, объясни, как это могло случиться и почему сейчас уже больше не происходит, — я охотно поучусь. А то теперь я не знаю, каким образом тот, для кого «Зажжены были факелы на горе Эте», как говорит Акций, из этого пламени «Вошел в вечный дом отца»³⁴. Гомер, однако, заставляет Улисса встретиться с ним, как и с другими, кто расстался с жизнью, в подземном царстве³⁵. (42) Но я, право, хотел бы знать, какого Геркулеса мы чтим более всего, ибо ученые, которые обшарили древние и скрытые тексты, передают нам, что Геркулесов много³⁶. Самый древний был рожден Юпитером, причем древнейшим Юпитером — ведь и Юпитеров мы находим много в старых греческих книгах³⁷, от него и Лисифои³⁸ произошел тот Геркулес, который, как мы знаем, спорил с Аполлоном за треножник³⁹. Другой же, как передают, — египтянин, сын Нила. Он, как говорят, написал «Фригийские книги»⁴⁰. Третий же — из Дактилей с Иды; жители острова Коса справляют по нему тризну⁴¹. Четвертый, сын Юпитера и Астерии⁴², сестры Латоны, особенно почитается в Тире. У него, как передают, была дочь Карфаген. Пятый — из Индии и зовется Бел⁴³. Шестой же — наш, сын Алкмены, которого произвел на свет Юпитер, но третий Юпитер, ибо, как я покажу, мы знаем также много Юпитеров. (XVII, 43) И раз уж речь завела меня сюда, я докажу, что понтификальное право, обычаи предков и те жертвенные чашечки, которые завещал нам Нума и о которых говорил Лелий в своей знаменитой, прелестной, поистине золотой речи, лучше выучили меня почитать богов, чем доводы стоиков⁴⁴. Ведь следуй я за вами, ну что, скажи, ответу я тому, кто спросит меня: если боги существуют, являются ли и нимфы богинями⁴⁵? А если нимфы — богини, то, конечно, боги — паниски и сатиры? Но если не боги, значит, не богини и нимфы? Между тем их храмы сооружены и публично освящены. Значит, не боги и остальные, храмы которых освящены? Пойдем дальше. Ты причисляешь к богам Юпитера и Нептуна; значит, и Орк, их брат, — тоже бог, и те реки, которые, как говорят, текут в подземном царстве — Ахерон, Коцит, Стикс, Перифлегетон, а также Харон и Цербер должны считаться богами. (44) Но это следует отвергнуть. Значит, и Орк не бог? А тогда что же вы скажете о его братьях? Так говорит Карнеад не для того, чтобы низвергнуть богов —

³⁴ Котта говорит о Геркулесе. Из какой трагедии Акция эти строки — неизвестно.

³⁵ Одиссей видит в Аиде Геракла, но «Тень лишь. А сам он с богами бессмертными вместе в счастье живет» (Об. XI, 601—603; пер. В. В. Вересаева).

³⁶ Цицерон использует здесь труды александрийских теологов. Они объединили множество местных мифов, а также привлекли иноземных богов, которых греки отождествляли со своими. Чтобы объяснить возникшие при этом противоречия, они начали различать нескольких богов, носящих одинаковое имя (см. III, 21, 53 сл.). Часто александрийские теологи, а вслед за ними Цицерон пользуются мифами, нам совершенно неизвестными, так как они обращались к «древним и скрытым текстам».

³⁷ См. III, 21, 53.

³⁸ Лисифоа упоминается у Иоанна Лида, где она названа дочерью Океана (De mens. IV, 45). Возможно, она же мать Диониса. У позднейших толкователей Геракл и Дионис часто идентифицируются.

³⁹ Убив в припадке безумия своего друга Ифита, Геракл спросил Дельфийского оракула, как ему искупить невольное преступление, но его изгнали из храма. В гневе герой похитил треножник. Когда же за треножником явился сам Аполлон, между ними началась битва. Примирил их Зевс.

⁴⁰ О Геракле как древнем божестве египтян в отличие от эллинского героя говорит Геродот (II, 43—45). Больше о втором Геркулесе мы ничего не знаем. Что имеется в виду под «Фригийскими книгами», неизвестно.

⁴¹ Идейские Дактили — низшие демоны из свиты Кибелы. Обычно их насчитывали пять; один из них носит имя Геракл, но не прослеживается никакой связи между ним и знаменитым героем (*Paus.*, V, 7, 6—9; 8, 1; 14, 7; VIII, 31, 3; IX, 19, 5; 27, 8; *Strabo*, VIII, 3, 30).

⁴² Астерия — см. ниже, прим. 53. Теологи отождествляли ее с восточной богиней Астартой. Ее сын Мелькарт идентифицировался с греческим Гераклом.

⁴³ Об индийском Беле нам ничего не известно.

⁴⁴ См. прим. 3.

⁴⁵ Доводы Карнеада здесь несколько сокращены Коттой (см. *Sext.*, Adv. math. IX, 182 и далее).

ибо что менее подобает философу? — но чтобы изобличить стойков в том, что они ничего не разъяснили о бессмертных богах. Итак, продолжим. Если эти братья, говорит он, в числе богов, можно ли отрицать божественность отца их Сатурна, которого вплоть до западных пределов наиболее чтут в народе? А если он — бог, надо признать богом и его отца Небо. А коли так, нужно считать богами и родителей Неба — Эфир и День ⁴⁶, и их братьев и сестер, которые, согласно древним генеалогиям, называются так: Амур, Обман, Страх, Труд, Зависть, Рок, Старость, Смерть, Мрак, Несчастье, Судебные жалобы, Благодарность, Ложь, Упорство, Парки, Геспериды, Сновидения, — все это, как передают, порождения Эреба и Ночи ⁴⁷. И нужно ли признать все эти чудовища богами или отвергнуть и первое предположение? (XVIII, 45) Как Аполлона, Вулкана, Меркурия и других ты именуешь богами, а вот в отношении Геркулеса, Эскулапа, Либера, Кастора и Поллукса сомневаешься? Но и тех и этих чтут одинаково, а у некоторых даже гораздо больше почитают последних. Следовательно, рожденных смертной матерью нужно считать богами? Так почему же тогда Аристей ⁴⁸, как говорят, изобретатель оливы, сын Аполлона, Тесей, сын Нептуна, и остальные, отцы которых боги, не находятся в числе богов? А как насчет тех, чьи матери — богини? Я полагаю, они имеют даже больше прав. Ибо как по гражданскому праву сын свободнорожденной матери свободен, так и по природному сын матери-богини непременно бог. Поэтому Ахиллеса благоговейнейшим образом чтут жители острова Астипалеи ⁴⁹. А если он бог, боги Орфей и Рес ⁵⁰ — дети Музы, если только не предпочитать морские браки земным. А если они не боги — ведь им нигде не поклоняются, — почему же тогда боги те? (46) Гляди же, божеские почести воздаются добродетелям этих людей, а не бессмертию, как ты, Бальб, по-видимому, утверждаешь ⁵¹. Как ты можешь, считая Латону богиней, не считать богиней и Гекату ⁵², мать которой Астерия ⁵³ — сестра Латоны? Или она тоже богиня? Ведь мы видим в Греции ее жертвенники и храмы. Если же она богиня, почему не богини Евмениды? Это, конечно, богини, выслеживающие преступления и злодеяния и мстящие за них; им посвящена роца в Афинах и у нас (ведь я так перевожу название роци Фурий). (47) А раз боги таковы, что участвуют в делах человеческих, следует считать также богиней Нацию ⁵⁴, которой мы обычно совершаем священнодействия, обходя ее святилище в Ардейском поле. Она называется *Natio* от *nascantibus* [рождающих], так как оберегает женские роды. А раз она богиня, богами надо считать и всех, о ком ты говорил: Честь, Верность, Разум, Согласие, а значит, также и Надежду, Память и все то, что мы можем выдумать, размышляя сами с собой. И если это неправдоподобно, неправдоподобно и то предположение, откуда мы вывели все это.

⁴⁶ Здесь Цицерон пользуется теологией, отличной от господской. Она более или менее совпадает с теогонией Гигина. По Гесиоду, породила Урана Гея (Theog. 126—127).

⁴⁷ Из этого списка детьми Эреба и Ночи являются, по Гесиоду, только Эфир, День, Обман, Рок, Старость, Смерть, Печаль, Парки, Сновидения, Геспериды (Hesiod., Theog. 128—225; 212—225). Что же касается Труда, Судебных жалоб, Лжи, то, по Гесиоду, они — внуки Ночи (ibid., 226—229), Эрос же — древнейшее божество, ровесник Хаоса (ibid., 120). Но, возможно, под Амуром Цицерон понимал не Эроса (см. ниже, III, 23, 60 и прим. 97), а Сладострастие, порождение Ночи (ibid., 224). Зависть, дочь Стикса и Палланта (ibid., 383—384), Страх, Мрак, Упорство вообще Гесиодом не упомянуты. Многие из этих существ помещены Вергилием в преддверии Орка.

⁴⁸ Сын Аполлона и нимфы Кирены.

⁴⁹ Астипалея — остров между Родосом и Наксосом.

⁵⁰ Рес — фракийский царь, от коней которого зависела судьба Трои. Он был сыном Каллиопы или, по другим мифам, Евтерпы и реки Стримона (Apollod., I, 3, 4).

⁵¹ См. II, 24, 62.

⁵² Геката, согласно Гесиоду, благая богиня. Лишь позже она начала пониматься как грозное хтоническое божество (Hesiod., Theog. 411—452).

⁵³ Астерия — Титанида, дочь Титана Коя и Фебы (Hesiod., Theog. 404—409).

⁵⁴ Римская богиня — покровительница родов.

(XIX) Далее. Если боги те, кого мы знаем и чтим, почему не причисляем мы к их сонму Сераписа и Изиду? А если мы сделаем это, зачем же нам отвергать и варварских богов? И вот мы возведем в число богов быков, лошадей, ибисов, коршунов, змей, крокодилов, рыб, собак, кошек и многих других зверей. Если же мы все это отвергнем, надо отвергнуть и то положение, откуда все это выведено. (48) Так что же, пусть Ино, которую греки зовут Левкотеей, а мы Матутой⁵⁵, считают богиней, так как она — дочь Кадма, а Цирцея, Пасифая⁵⁶ и Ээт — дети Персеиды, дочери Океана и Солнца, не будут в числе богов, хотя и Цирцею благоговеино почитают наши колонисты, жители Цирцей⁵⁷? Значит, и ее ты считаешь богиней? А что ты скажешь о Мееде, которая произошла от двух дедов, Солнца и Океана, от отца Ээта и матери Идии? А что — о ее брате Абсирте, который у Пакувия назван Эгиал⁵⁸? (Первое имя употребительнее в книгах древних.) Если они не боги, не знаю, что будет делать Ино, ведь все это вытекает из одного и того же источника. (49) Или, может быть, богами были Амфиарай и Трофоний⁵⁹? Наши публиканы, когда поля в Беотии, посвященные бессмертным богам, были изъяты цензорным законом, отрицали, что бессмертны те, которые когда-то были людьми. Впрочем, если они боги, конечно бог и Эрехтей⁶⁰, святилище и жреца которого мы видим в Афинах. А если мы сделаем его богом, следует ли сомневаться в божественности Кодра и остальных людей, которые пали, сражаясь за свободу родины⁶¹? И если это неправдоподобно, нельзя назвать правдоподобным и ранее сказанное; ведь из него все и вытекает. (50) Но можно догадаться, что во многих городах, чтобы доблесть возрастала, чтобы лучшие граждане охотнее шли ради государства на опасности, память о храбрых мужах увековечена божескими почестями. Ведь по этой самой причине Эрехтей и его дочери считаются в Афинах в числе богов. Равным образом в Афинах есть святилище Леонтид, которое называется Леокорион⁶². А жители Алабанд более благоговеино чтят Алабанда, который основал их город, чем кого угодно из знаменитых богов. Стратоник⁶³, будучи у них, когда какой-то докучливый человек доказывал ему, что Алабанд бог, а Геркулес нет, как всегда, не без остроумия сказал: «Ну, хорошо. Пусть на меня прогневается Алабанд, а на тебя Геркулес!». (XX, 54) И неужели ты не видишь, Бальб, как далеко ты зашел, говоря о небе и звездах? Боги, по-твоему, и Солнце, и Луна; одного греки называют Аполлоном, другую — Дианой. Поэтому, если Луна — богиня, значит, в сонме богов пребывают и Люцифер, и другие блуждающие звезды, а значит, и неподвижные. А почему же не в сонме богов радуга? Ведь она красива; и по той причине, что вид у нее изуми-

⁵⁵ См. прим. 31.

⁵⁶ Пасифая — жена Миноса, мать Минотавра.

⁵⁷ Страбон сообщает, что в Цирциях, где, по преданию, жила Цирцея, находится храм этой богини (*Strabo*, V, 3, 6).

⁵⁸ Ботта говорит о трагедии Пакувия «Медус»; Абсирт, или Эгиал, — брат Мееды, умерщвленный ею (см. ниже, III, 26, 67).

⁵⁹ Трофоний и его брат Агамед — сыновья орхоменского царя Эргина. Впрочем Трофония считали сыном Аполлона. Оба брата славились как чудесные строители. Но, построив сокровищницу Гирнею, они оставили для себя тайный ход, так что число сокровищ все время уменьшалось. Тогда царь поставил кашканы, куда и попался Агамед. Брат отрубил ему голову, чтобы не быть узнанным, но сам был заживо поглощен землей. Он чтился как божество, и существовал его оракул (*Paus.*, IX, 37, 2—7).

⁶⁰ Эрехтей — сын Пандиона, царь Аттики. Когда он вел войну с Элевсином, Дельфийский оракул предсказал, что он победит, только если принесет богам свою дочь. Эрехтей принес в жертву младшую дочь Хтонию, а остальные дочери сами лишили себя жизни. Так Эрехтей достиг победы (*Apollod.*, III, 14, 6; 15, 4).

⁶¹ Кодр — последний аттический царь. Во время нашествия дарийцев принес себя в жертву за свою родину и тем спас Аттику.

⁶² Леон — афинский герой, принесший своих дочерей в жертву и спасший этим город (*Paus.*, I, 5, 2).

⁶³ Стратоник — афинский кифаред IV в. до н. э. Ему принадлежит много острот, приводимых Афинеем (*Athen.*, VIII, 348d — 352d).

тельный, она зовется Иридой, дочерью Тавманта⁶⁴. А если ее природа божественна, что ты скажешь об облаках? Ведь сама радуга возникает из каким-то образом окрашенных облаков. Одно из них, говорят, даже родило кентавров⁶⁵. А если ты и облака возведешь в сонм богов, уж, конечно, надо возвести туда же и непогоды, которые освящены обрядами римского народа⁶⁶. Следовательно, дожди, туманы, бури, вихри должны считаться богами. Наши же вожди, отправляясь в море, имели обыкновение приносить жертвы волнам⁶⁷. (52) И если Церера — богиня, так как она приносит плоды, — ведь так ты говорил, — то богиня и сама земля, ее и считают богиней, что же другое есть Теллус⁶⁸? А если земля, значит и море, которое ты называешь Нептуном, следовательно, и реки, и источники. Поэтому Массон⁶⁹, приехав из Корсики, освятил храм Источнику, и в молитвах наших авгугов мы слышим имена Тиберина, Спинона, Альмона, Нодина и других соседних рек. Следовательно, это все или уходит в бесконечность, или мы не признаем все это и отвергаем этот неиссякаемый источник суеверия. Значит, все это следует отвергнуть.

(XXI, 53) А теперь, Бальб, я хочу возразить тем, кто утверждает, что боги, бывшие прежде людьми, которых мы благоговейно и свято чтим, вознеслись на небо не в самом деле, а в представлении людей⁷⁰. Во-первых, так называемые теологи насчитывают трех Юпитеров. Из них первый и второй рождены в Аркадии, один — от отца Эфира (от него, как передают, произошли Прозерпина и Либер), другой — от отца Неба (он, говорят, родил Минерву, которую считают покровительницей войны). Третий же — критский, сын Сагурна; его могилу показывают на этом острове⁷¹. Диоскуров также у греков называют по-разному. Первые три, которых в Афинах именуют Анактами⁷², рождены от древнейшего царя Юпитера и Прозерпины, это Тритопадор, Евбулей и Дионис⁷³. Следующие два — дети третьего Юпитера и Леды — Кастор и Поллукс. Третьи, — как передают некоторые, Алкон, Меламп и Тмоп — сыновья Атрея, который был рожден Пелопсом. (54) Первые четыре Музы — Телксиноя, Аэда, Арха, Мелета — рождены вторым Юпитером. Следующие девять произошли от третьего Юпитера и Мнемосины. Третьи же рождены Ппером и Антипой;

⁶⁴ Ирида (Радуга) — дочь морского божества Тавманта. Это имя Котта выводит из греческого глагола *θαυμάζω* (удивляться, изумляться), явно пародируя аналогичные построения Бальба.

⁶⁵ Царь лапифов Иксион, отец Пеирифоя, полюбил Геру. Зевс подменил ее облаком, имевшим облик Геры. Облако родило от Иксиона всех кентавров, кроме Хирона (*Apollod.*, I, 20).

⁶⁶ Храм Непогодам освятил Л. Корнелий Сципюн, консул 259 г. до н. э., возле Капенских ворот (*Ovid.*, *Fast.* VI, 193; об этом же говорится в «Диалогии» Л. Сципиона, сына Барбата; см. Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969, с. 182—183).

⁶⁷ Уже стоя на корабле, полководец молился, держа в руках внутренности жертвенного животного, а затем кидал их в воду. Об этом обычае упоминает Ливий (XXIX, 27, 6).

⁶⁸ См. II, 26, 27. Тетра — земля, почитают ее под именем Tellus.

⁶⁹ Г. Папирий Массон, консул 231 г. до н. э., завоевавший Корсику.

⁷⁰ Судя по этим словам, Котта собирался далее говорить о героях, возведенных в сонм богов, — Диоскурах, Геркулесе и других. Но в действительности он рассуждает совсем о другом. Либо здесь небольшая лакуна, либо мы имеем дело со следами недоработки в тексте (см. кн. II, прим. 68). Далее Цицерон, видимо, пользуется трудами alexandрийских теологов (см. прим. 36 к настоящей книге).

⁷¹ О том, что на Крите показывали могилу Зевса, упоминает и Каллимах (*Num.* in *Joven.* V, 8).

⁷² Анакты — владыки. Плутарх сообщает, что под этим именем чтили в Афинах Диоскуров, ибо Тивдариды в поисках своей похищенной сестры Елены взяли Афины, но позднее афиняне с ними примирились и обожествили их под именем Анактов (*Plut.*, *Thes.* 33; *Num.* 13). Павсаний же иногда называет Диоскуров Анактами независимо от того, где их чтили (II, 22, 6; 36, 6). Но в одном месте он говорит, что служение этим владыкам тайное, что никто точно не знает, имена каких богов кроются за названием Анактов. «Одни говорят, что это Диоскуры, другие, что это Куреты, те же, кто считает себя более знающим в этом деле, — Кабиры» (X, 38, 7).

⁷³ Все эти имена совершенно не ясны. Тритопадор — прадед, пращур.

их поэты обычно называют Пиериды или Пиерии ⁷⁴; их столько же и у них такие же имена, как у вышеупомянутых. И вот ты говоришь, что Солнце [Sol] называется так потому, что оно единственное [solus], а как много Солнц открыто теологами! Одно из них — сын Юпитера, внук Эфира, второе — сын Гипериона ⁷⁵, третье — Вулкана, сына Нила, городом которого египтяне считают тот, что зовется Гелиополем; четвертое, говорят, было рождено в героические времена на Родосе Акантом. Это отец Иалиса, Камира, Линда ⁷⁶. От пятого, как передают колхи, произошли Ээт и Цирцея. (XXII, 55) Вулканов тоже немало. Первый — сын Неба, от него и Минервы родился Аполлон; древние историки считают, что под его покровительством находятся Афины ⁷⁷. Второй рожден Нилом — Пта, так называют его египтяне; его считают защитником Египта. Третий — от третьего Юпитера и Юноны; он начальствует над Лемносской Кузницей. Четвертый рожден Меналием ⁷⁸, он владеет островами возле Сицилии, которые зовутся Вулкановыми. (56) Один Меркурий рожден отцом Небом и матерью Дием; его природа находится в непростой возбужденности, так как он взволнован видом Прозерпины ⁷⁹. Другой — сын Валента и Корониды, а под землей он называется Трофонием ⁸⁰. Третий рожден третьим Юпитером и Майей ⁸¹; от него, как говорят, Пенелопа родила Пана. Четвертый рожден от отца Нила; египтяне считают кощунством его называть. Пятый, которого чтут фенеаты, как говорят, убил Аргуса и по этой причине бежал в Египет и дал законы и письменность египтянам. Его египтяне называют Тотом; этим именем зовется у них и первый месяц года. (57) Из Эскулапов первый — от Аполлона; его почитают аркадцы; он, как говорят, изобрел хирургический зонд и первый перевязал рану. Второй — брат второго Меркурия; передают, что его, пораженного молнией, погребли в Киносуре ⁸². Третий — от Арсипа и Арсиной ⁸³; по рассказам, он первый изобрел очищение желудка и вырывание зубов; его могилу и священную рощу показывают в Аркадии, недалеко от реки Люсия. (XXIII) Из Аполлонов древнейший тот, который, как я сказал несколько ранее, рож-

⁷⁴ «Дети Алоя считали, что муз было числом всего три, и дали им следующие имена: Мелета, Мнема, Аэда. С течением времени... прибыл... Пиер из Македонии..., установил число муз в количестве девяти и дал им те имена, которые они носят... Но есть люди, которые говорят, что у самого Пиера было девять дочерей и что их имена были те же самые, что и у богинь, и те, которых эллины называют детьми муз, были внуками Пиера» (*Paus.*, IX, 29, 2—4). Здесь Телксиноя и Архэ не названы, зато добавлена Мнема. По более распространенному мифу, Пиериями звали девять девушек, пожелавших соперничать с музами в искусстве пения и за то обращенных в птиц (*Ovid.*, *Met.* II, 270—330). Мимнерм же различал старших муз — дочерей Урана и младших — дочерей Зевса (*Paus.*, IX, 29, 4—5).

⁷⁵ Сын Гипериона — это и есть известный нам по Гомеру и Гесиоду Гелиос. Об остальных мы не знаем ничего.

⁷⁶ Чисто родосский миф. Линда, Камира и Иалиса Пиндар называет внуками Солнца и Роды (*Ol.* VIII, 73—75).

⁷⁷ По свидетельству Климента Александрийского, об Аполлоне, сыне Гефеста и Афины, упоминает Аристотель (см. далее, прим. 86).

⁷⁸ Имя нигде более не встречается.

⁷⁹ Изображение Гермеса с поднятым фаллом имеет отношение к тайному культу кабиров. Связанный с этим миф являлся священной тайной, поэтому Геродот не решается его рассказать (*Herod.*, II, 51).

⁸⁰ Валент — имя явно латинское, между тем Цицерон использует здесь труды греческих теологов. Поэтом, вернее всего, Валент — это перевод имени греческого героя Исхиса, возлюбленного Корониды. Эта Коронида, согласно распространенному мифу, — мать Асклепия, изменившая Аполлону с Исхисом. За это Артемида убила ее, а ребенка из погребального костра спас Гермес (*Paus.*, II, 26, 6). Далее (III, 22, 57) Цицерон называет второго Гермеса братом Асклепия. Спасение Гермесом младенца из костра — деталь, видимо, восходящая к какому-то забытому мифу, объяснявшему глубокую связь этих двух божеств. Связь между Трофонием и Гермесом по другим источникам не прослеживается.

⁸¹ Это классический Гермес.

⁸² Место в Аркадии (*Paus.*, VIII, 27, 4).

⁸³ В несохранившейся части «Теогонии» Гесиода Асклепий назван сыном Арсиной (*Paus.*, II, 26, 7).

ден от Вулкана и является хранителем Афин. Другой — сын Корибанта, рожден на Крите ⁸⁴; у него, как передают, был спор за этот остров с самим Юпитером. Третий рожден третьим Юпитером и Латоной; он, как говорят, пришел в Дельфы от гиперборейцев ⁸⁵. Четвертый почитается в Аркадии; аркадцы называют его Номион, так как думают, что от него они получили свои законы ⁸⁶. (58) Диан тоже много. Первая — от Юпитера и Прозерпины; она, как передают, родила крылатого Купидона. Вторая более известна: она, как мы знаем, рождена третьим Юпитером и Латоной. Отец же третьей, как передают, — Упис, мать — Главка. Греки часто называют ее Упой по имени отца ⁸⁷. Дионисов мы знаем много. Первый рожден Юпитером и Прозерпиной ⁸⁸; второй — Нилом; он, как говорят, основал Нису. Третий — от отца Кабира; думают, что он как царь управлял Азией и это в честь него установлены Сабазии ⁸⁹. Четвертый — от Юпитера и Луны ⁹⁰; считают, что для него были установлены Орфические священные действия. Пятый рожден Нисом и Тионой; полагают, что им установлены Триетериды. (59) Первая Венера рождена Небом и Днем; ее святилище мы видим в Элиде ⁹¹. Другая родилась из пены ⁹²; от нее и Меркурия, как мы знаем, произошел второй Купидон. Третья рождена Юпитером и Дионой; она замужем за Вулканом, но от нее и Марса, говорят, рожден Антерос ⁹³. Четвертая пришла из Сирии и Кипра; зовется она Астартой, а в брак вступила, как передают, с Адонисом. Первая Минерва, как мы говорили раньше, — мать Аполлона. Вторая рождена Нилом; ее чтут египтяне из Саиса ⁹⁴. Третья — та, которая, как мы уже сказали, произошла от Юпитера. Четвертая рождена Юпитером и Корифой ⁹⁵, дочерью Океана; ее аркадцы называют Корийей и считают изобретательницей квадриг. Пятая — дочь Палланта ⁹⁶. Она, как говорят, убила отца, пытавшегося совершить над ней насилие; ее изображают в крылатых сандалях. (60) Передают, что первый Купидон, рожден Меркурием и первой Дионой; второй — Меркурием и второй Венерой ⁹⁷; третий, он же Антерос, — Марсом и третьей Венерой. Это и другое в том же духе собрано из древних преданий Греции, и ты понимаешь, что с этим надо бороться, чтобы религия не пришла в беспорядок. Ваши же не только не опровергают эти мифы, но еще укрепляют их своими толкованиями.

⁸⁴ Аполлодор, напротив, называет Аполлона отцом Корибантов (*Apollod.*, I, 3, 4).

⁸⁵ Это классический Аполлон. Гимерий, излагая прозой не дошедший до нас гимн Алкея, пишет: «Когда родился Аполлон, Зевс... послал его в Дельфы, чтобы оттуда он прорицал правду и правосудие всем эллинам. Аполлон же... пустил лебедей (которыми была запряжена его колесница. — *Т. Л.*) лететь к гиперборейцам. Но в Дельфах, когда узнали об этом, сочинили песнь и пеаны и, ставши вокруг треножника, закружились в хороводе, призывая бога от гиперборейцев. Он, однако, целый год был там» (прежде чем прибыл на Дельфы. — *Т. Л.*) (Ог. XIV, 10).

⁸⁶ Эпитет на самом деле означает «пастушеский». Климент Александрийский пишет: «Аполлона Аристотель считает сыном Гефеста и Афины, другой Аполлон, на Крите, — сын Корибанта; ...четвертый, аркадский, — сын Силена» (*Prot.* II, 28, 3). Арнобий также указывает, что Аполлонов было четыре (IV, 15—16).

⁸⁷ О первой и третьей Дианах нам ничего не известно.

⁸⁸ Это Дионис-Загрей, чтившийся орфиками.

⁸⁹ Обо всех этих Дионисах нам ничего не известно. Кабирь — низшие демоны, чтившиеся в мистериях. Культ их был тайным, и оттого мы мало знаем о них. Сабазии — фрикийские празднества в честь Диониса и Великой Матери.

⁹⁰ В тексте, видимо, ошибка, опечатка. Не Луны-Селены, а Селены, так как именно ее сын, наиболее известный Дионис, не упомянут.

⁹¹ Об этой Венере нам ничего не известно.

⁹² Согласно Гесиоду, Афродита родилась из пены морской, куда капала кровь оскотленного сына Урана (*Hesiod.*, *Theog.* 189—198).

⁹³ Это представление восходит к Гомеру. Платон, обратив внимание на то, что существует два мифа о рождении Афродиты, говорит, что их две: высшая — Урания и низшая — Пандемос (*Plat.*, *Sympos.* 180 d—e).

⁹⁴ Античные авторы отождествляли с Афиной «владычицу Саиса» Нейт (*Plat.*, *Tim.* 21e. См. также *Herod.*, II, 29, 59, 169, 170, 175; *Strabo*, XVII, 1, 18).

⁹⁵ Корифа, вероятно всего, искусственное имя, выдуманное александрийцами (*Κορυφή* — по-гречески «голова»).

⁹⁶ Обычно считается, что Паллант — это гигант, убитый Афиной.

⁹⁷ Цицерон не упоминает Эроса Гесиода — древнейшее божество, современника Хаоса.